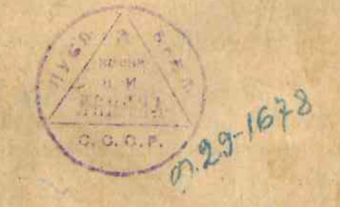
БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ

№ 5/17. МАЙ 1907



ПЕТЕРБУРГЪ

Изъ исторіи соціалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году.

(Личныя воспоминанія).

(Окончаніе [1]).

IV.

Какъ же за все это время проходила и развивалась жизнь петербургской подпольной организаціи соціалдемократической партіи? Послѣ январскихъ событій центральнымъ комитетомъ партіи были командированы въ Петербургъ наиболѣе видные и опытные соціалдемократическіе дѣятели Россіи и мѣстная центральная группа по составу своему была, вѣроятно, самой выдающейся партійной организаціей въ Россіи. Интеллигентская периферія была также очень многочисленна: всѣхъ интеллигентовъ, принимавшихъ регулярное участіе въ агитаціонной и пропагандистской работѣ организаціи и въ ея техническихъ предпріятіяхъ, было не меньше 300. Чуткость и воспріимчивость рабочихъ за это время подъ вліяніемъ начавшейся въ Россіи революціи и въ особенности историческихъ январскихъ дней, настолько увеличилась, желаніе разобраться въ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ важныхъ событіяхъ общественной жизни настолько было сильно, что рабочіе гораздо охотнѣе шли въ кружки и организаціи, чѣмъ когда-либо раньше. Такимъ образомъ создалась въ высшей степени благопріятная почва для соціалдемократической работы, и петербургская организація настолько выросла, что достигла небывалыхъ для подпольной организаціи размѣровъ. Число правильно функціонировавшихъ кружковъ доходило до 250, не говоря уже о довольно частыхъ «летучкахъ» и «массовкахъ».

Очень скоро однако оказалось, что такіе размѣры были слишкомъ велики для подпольной организаціи, и что послѣдняя уже не въ состояніи была внести въ свою работу ни достаточной цѣльности, ни планомѣрности. Мало того. Обнаружилось такое противорѣчіе между провозглашаемыми задачами партіи и фактическимъ содержаніемъ ея

[1]) См. „Былое", апрѣль.

дѣятельности, что съ ростомъ партіи росли и ея центробѣжные, разлагающіе элементы, и организація, созданная съ большимъ трудомъ, оказалась крайне непрочной.

Главное содержаніе работы организаціи составляли пропаганда и агитація въ кружкахъ. Кружокъ представлялъ основную ячейку организаціи, поглощавшую почти всѣ ея силы: преимущественно кружковую работу объединяли и регулировали подрайонныя, районныя организаціи и агитаторскія собранія. Болѣе широкіе митинги на заводахъ или у ихъ воротъ, выступленія на легальныхъ собраніяхъ, были крайне рѣдкимъ явленіемъ. Такимъ образомъ по характеру своей дѣятельности, петербургская соціалдемократическая организація и въ 1905 году продолжала представлять собой по преимуществу широко развѣтвленное тайное общество пропаганды соціалдемократическихъ идей. Но въ виду того, что темпъ общественной жизни былъ въ это время гораздо болѣе быстрый, чѣмъ когда бы то ни было раньше, и что организація партіи, претендующей на роль руководителя рабочаго класса, не могла уже болѣе замкнуться въ своемъ собственномъ подпольномъ мірѣ и принуждена была реагировать на волнующіе всю Россію вопросы, кружки начинаютъ терять тотъ характеръ, который они имѣли раньше. О планомѣрной медлительной пропагандѣ уже не могло быть и рѣчи. Темы собесѣдованій и занятій въ кружкахъ стали диктоваться не опредѣленнымъ предварительно выработаннымъ планомъ занятій, какъ это было раньше, а самой, все болѣе и болѣе усложняющейся жизнью. Пропагандистъ, читавшій рядъ лекцій по соціалистической теоріи и рабочему движенію, уступилъ мѣсто агитатору, ведущему бесѣду по современнымъ вопросамъ жизни, разъясняющему практическіе лозунги, вырабатываемые центральной организаціей и потому постоянно мѣняющему тему своихъ занятій. Такимъ образомъ организація начинаетъ терять свой характеръ пропагандистскаго общества и начинаетъ развивать дѣятельность, которая должна быть разсчитана не только на то, чтобы влiять на сознаніе отдѣльныхъ рабочихъ, но также и на то, чтобы оказывать воздѣйствіе на болѣе широкіе круги; другими словами, она обнаруживаетъ тенденцію превратиться въ политическую партію. Подпольный, кружковой характеръ партіи ставилъ, однако, этой тенденціи непреодолимыя препятствія.

Въ самомъ дѣлѣ, если, измѣняя содержаніе работы этихъ кружковъ, партія дѣйствительно стремилась къ тому, чтобы лозунги ея претворились въ массовыя дѣйствія,—ея агитаціонная работа въ кружкахъ имѣла бы raison d'être лишь въ томъ случаѣ, еслибы она могла разсчитывать, что изъ кружковъ ея лозунги распространятся въ болѣе широкихъ слояхъ пролетаріата. Но тогда подборъ членовъ кружковъ, какъ и вообще рекрутированіе рабочихъ въ партійныя организаціи, должны были бы совершаться на иныхъ основаніяхъ. Партія должна была бы включать въ себя дѣйствительно наиболѣе активные и инціативные, наиболѣе вліятельные и передовые элементы рабочихъ. Для этого партія должна была бы либо постоянно сталкиваться съ широкими рабочими массами и изъ нихъ привлекать ихъ естественныхъ вожаковъ, ихъ прирожденныхъ агитаторовъ. Либо партія должна была бы расширять свою дѣятельность на всю классовую борьбу проле-

таріата, и, завоевывая благодаря этому среди обширныхъ круговъ пролетаріата репутацію истинно рабочей организаціи, настоящей выразительницы рабочихъ интересовъ, сама бы естественно втягивала въ себя рабочихъ съ наиболѣе развитымъ общественнымъ чувствомъ и наиболѣе яснымъ классовымъ сознаніемъ. Извѣстно, что партія не дѣлала ни того, ни другого. Я уже указывалъ, что будучи подпольной пропагандистской организацій, и въ соотвѣтствіи съ этимъ болѣе всего заботясь о чистотѣ своихъ принциповъ, она оставалась чуждой жизни широкихъ рабочихъ массъ и даже сторонилась отъ ихъ организаціонныхъ стремленій, проявившіяся въ гапоновскомъ движеніи. Съ другой стороны, ставя своей задачей исключительно политическую борьбу или правильнѣе пропаганду политической борьбы въ небольшихъ кругахъ рабочихъ, она для рабочей массы никогда не была своей пролетарской партіей. Поэтому рекрутированіе рабочихъ членовъ въ организацію зависѣло отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. По большей части въ наши кружки и, слѣдовательно, вообще въ соціалдемократическую организацію попадали рабочіе наиболѣе молодые, которые въ кружкахъ искали главнымъ образомъ знаній, удовлетворенія своихъ умственныхъ интересовъ и были недовольны всякимъ расширеніемъ задачъ организаціи, поскольку оно вредило пропагандистской дѣятельности въ кружкахъ. Тѣ же немногочисленные болѣе активные и зрѣлые элементы, которые привлекались теоретически провозглашаемыми задачами партіи—быть авангардомъ классовой борьбы пролетаріата и его руководителемъ—или быстро уходили изъ нея или же, оставаясь въ ней, выражали наоборотъ недовольство тѣмъ, что главныя задачи партіи остаются на бумагѣ, а партія на самомъ дѣлѣ занимаются пропагандой въ кружкахъ. Такимъ образомъ лишь только партійная организація нѣсколько разрасталась, въ ней должны были возникнуть тренія: создавалась оппозиція, которая, какъ мы видѣли, составлялась изъ двухъ частей, предъявлявшихъ партіи совершенно противоположныя требованія, но связанныя общимъ недовольствомъ.

Обыкновенно оппозиціонныхъ рабочихъ связывало также недовольство организаціоннымъ строеніемъ партіи. Извѣстно, что со времени побѣды направленія «Искры» надъ другимъ соціалдемократическимъ теченіемъ, организаціонный демократизмъ сталъ синонимомъ хвостизма, оппортюнизма и тому подобныхъ грѣховъ. Демократическій принципъ былъ изгнанъ изъ организаціи почти повсюду. И слѣдуетъ сознаться, что въ обществѣ пропаганды,—каковымъ фактически партія всегда была,—общества, состоящаго изъ учителей-интеллигентовъ и учениковъ-рабочихъ, демократизмъ не является насущной необходимостью и проведеніе его снизу до верху было, пожалуй, и практически неосуществимо. Мудрено установить равенство правъ и обязанностей между интеллигентами членами руководящихъ организацій, переживавшими рядъ періодовъ партійной жизни, дѣятельно обсуждавшими массу теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, устраивавшихъ общепартійные и областные съѣзды и конференціи съ одной стороны, и рабочими партійныхъ низовъ, за крайне рѣдкими исключеніями, остававшимися совершенно чуждыми всей этой сравнительно богатой теоретической жизни партіи и выполнявшими лишь роль слушателей въ

кружкахъ—съ другой стороны. И безъ сомнѣнія, правы были тѣ, которые говорили, что при реальныхъ задачахъ партійной дѣятельности демократизмъ превратится въ значительной степени лишь въ игру въ демократизмъ, а не можетъ быть дѣйствительнымъ проведеніемъ въ жизнь организаціонныхъ демократическихъ принциповъ. Они не отдавали себѣ однако отчета въ томъ, что вмѣстѣ съ отрицаніемъ демократизма произносится смертный приговоръ и вообще надъ возможностью соціалдемократической партіи въ Россіи.

Меньшевики, у которыхъ, безъ сомнѣнія, сильнѣе было сознаніе ненормальности существованія рабочей партій безъ широкихъ рабочихъ кадровъ и демократической партіи безъ демократическихъ принциповъ и съ безотвѣтственной передъ низами партійной бюрократіей во главѣ, въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ начали съ того, что объявили войну излишнему бюрократизму.

Но въ своихъ положительныхъ организаціонныхъ предложеніяхъ, въ конституціи, которую они предлагали дать партіи они снова, совершенно разумѣется безсознательно, шли по стопамъ «подпольной» бюрократіи. Дальше «законосовѣщательныхъ» учрежденій изъ партійныхъ низовъ, они не шли. Демократизмъ они замѣнили такъ называемымъ «принципомъ освѣдомленности». Въ своихъ организаціяхъ они требовали отъ всѣхъ членовъ руководящихъ группъ проведенія возможно полнаго освѣдомленія всѣхъ низовъ по всѣмъ вопросамъ партійной теоріи и практики. Всякія рѣшенія руководящихъ учрежденій должны были по возможности подробно и всесторонне обсуждаться въ районныхъ и подрайонныхъ организаціяхъ и даже въ кружкахъ. Но примутъ ли правящія сферы мнѣнія низовъ во вниманіе, и вообще каковы были формальныя права послѣднихъ, не было точно опредѣлено. Принималось за нѣчто вполнѣ очевидное, что благоразумное руководящее учрежденіе, должно будетъ считаться съ мнѣніями низовъ и не приметъ рѣшеній, противорѣчащихъ желанію большинства партійныхъ членовъ, но строго опредѣленныхъ правъ, которыя гарантировали бы низамъ вліяніе на всю партійную работу и обязывали бы верхи выполнять ихъ рѣшенія, не было. Само собой разумѣется, что такая организаціонная непослѣдовательность, такая демократическая робость и половинчатость не могла не служить причиной постоянныхъ треній и недоразумѣній между рабочими низами и интеллигентными верхами партіи. Партійный «народъ» требовалъ законодательныхъ, и не хотѣлъ довольствоваться одними «законосовѣщательными» учрежденіями. Чтобы заключить аналогію между подпольной и надпольной бюрократіями, забѣгу впередъ и прибавлю, что когда впослѣдствіи, послѣ октябрской «конституціи» партія стала открытой и ввела въ свою организацію демократическій принципъ, петербургская меньшевистская группа рекомендовала двустепенное избирательное право при выборахъ делегатовъ на меньшевистскую конференцію, между прочимъ на томъ основаніи, что, какъ выразился одинъ изъ старыхъ членовъ партійной бюрократіи, «съ введеніемъ демократическаго принципа партія дѣлаетъ прыжокъ въ неизвѣстное» и потому ей приходится принять мѣры противъ того, чтобы на партійныя рѣшенія не получили рѣшающаго вліянія «люди незнакомые ни съ прошлымъ, ни съ настоящимъ партіи».

Оппозиція среди партійныхъ рабочихъ низовъ противъ центральныхъ учрежденій объединилась такимъ образомъ требованіемъ оздоровленія партіи посредствомъ ея демократизаціи. Всѣ партійныя бѣды, всѣ ея неудачи приписывались отсутствію демократизма, который сталъ для оппозиціи панацеей отъ всѣхъ золъ. Онъ связывалъ всѣхъ недовольныхъ партійной дѣятельностью, какъ ни противорѣчивы были другія требованія, предъявляемыя ими партіи. Попытаюсь иллюстрировать развитыя мной общія положенія о партійной жизни разсказомъ о своемъ опытѣ въ нарвскомъ и городскомъ районахъ Петербурга, которые занимали среднее положеніе между крайне оппозиціоннымъ выборгскимъ райономъ и другими нѣсколько болѣе мирно настроенными районами.

«Командированъ» я былъ петербургской организаціей въ нарвскій районъ, какъ я уже упомянулъ, послѣ январскихъ дней. Изъ небольшого состава партійныхъ рабочихъ наиболѣе выдающіеся были арестованы, и крошечная районная организація еще болѣе ослабѣла. Въ партійной организаціи было лишь 20—30 рабочихъ путиловскаго завода и 10—15—вагоностроительнаго завода за Московской заставой, которая, какъ отдѣльный подрайонъ, входила въ нарвскій районъ. Первымъ дѣломъ было поэтому расширеніе контингента рабочихъ, подлежавшихъ постоянному вліянію партіи въ кружкахъ. Послѣ кратковременной усиленной работы какъ партійныхъ рабочихъ, такъ и интеллигентовъ-агитаторовъ, эта задача вполнѣ удалась. Число кружковъ очень быстро значительно выросло. Максимальное число ихъ было 35—40 за Нарвской и 20—25 за Московской заставой, изъ которыхъ въ каждомъ было 5—8 рабочихъ. Кромѣ нихъ какъ за Нарвской, такъ и за Московской заставой былъ центральный или подрайонный кружокъ, состоявшій изъ 6—8 рабочихъ 1—2 интеллигентовъ-агитаторовъ и организатора района, члена петербургской центральной группы. Полагалось, что въ каждый пропагандистскій кружокъ долженъ входить членъ центральнаго кружка, который долженъ былъ освѣдомлять членовъ перваго кружка о партійныхъ дѣлахъ, обсуждавшихся въ районной и подрайонной организаціи, снабжать ихъ легальной и нелегальной литературой и доставлять для болѣе широкаго распространенія листки. Онъ же долженъ былъ давать отчеты въ центральномъ кружкѣ. Кромѣ подрайоновъ существовала еще очень вліятельная агитаторская коллегія, состоявшая изъ 15—20 агитаторовъ и пропагандистовъ. Представители центральныхъ подрайонныхъ кружковъ входили въ районное собраніе, руководившее всей партійной работой въ районѣ; въ него тоже входили представители агитаторской коллегіи и снова организаторъ района. Вся организація за все время своего существованія функціонировала очень правильно и стройно, и, по всей вѣроятности, года 2—3 тому назадъ она считалась бы образцовой. Поскольку въ ней были недочеты, они преимущественно зависѣли отъ слишкомъ большихъ централизаторскихъ тенденцій, которыя пыталась, но не была въ состояніи, проводить съ пользой для дѣла руководящая петербургская группа. Отдѣльные районы имѣли напр. очень ограниченное право издавать листки, въ лучшемъ случаѣ они могли реагировать листками на районныя злобы

дня исключительно мѣстнаго характера, а такъ какъ центральная организація оказывалась не въ силахъ обслуживать всѣ районы, то листки были и рѣдки и въ недостаточномъ количествѣ. Кромѣ того содержаніе, а еще болѣе форма листковъ, вызывала вѣчное недовольство: по мнѣнію рабочихъ они были и не популярны, и слишкомъ рѣзки. Пробовали было рабочіе сами писать листки, и порой очень образные и сильные, но послѣдніе почему-то либо застрѣвали по пути въ редакцію и не появлялись въ свѣтъ, либо рабочіе не соглашались на предлагаемыя исправленія. Писатели-рабочіе обыкновенно оказывались очень самолюбивыми авторами и ихъ съ большимъ трудомъ удавалось заставить согласиться на измѣненія или поправки въ ихъ произведеніяхъ. Какъ бы то ни было, но листки были больнымъ пунктомъ въ дѣятельности всей партійной организаціи въ Петербургѣ. Кружковая же дѣятельность не только въ указанномъ районѣ, но почти во всемъ Петербургѣ, была поставлена очень широко.

Послѣ январскихъ событій эта дѣятельность однако почти никого не удовлетворяла. Надежды на то, что намъ посредствомъ кружковъ удастся захватить значительные круги рабочихъ, уже давно исчезли. Кромѣ того недавнія массовыя событія намъ показали, что въ крупныхъ пролетарскихъ выступленіяхъ вожди рабочихъ менѣе всего черпаются изъ кружковъ. Напротивъ, оказалось даже, что мы своими кружками скорѣе отрываемъ рабочихъ отъ ихъ родной стихіи, настолько заполняемъ ихъ интересами кружка, подрайона, района, что они теряютъ чутье дѣйствительно пролетарской массовой борьбы. И для партійныхъ рабочихъ узкіе интересы партійной организаціи оттѣснили на задній планъ общіе интересы классовой борьбы. За Нарвской заставой это проявилось очень опредѣленно и рѣзко, хотя, конечно, не вполнѣ сознавалось самими партійными рабочими. Если рабочіе центральнаго кружка и принимали участіе въ проведеніи стачекъ на путиловскомъ заводѣ, то менѣе всего они являлись руководителями или иниціаторами ихъ. Въ стачкахъ они лишь шли—и часто безъ большого энтузіазма,—за общимъ теченіемъ и никогда сами не дѣлали попытокъ вносить болѣе широкіе лозунги. Они даже противились нерѣдко ихъ внесенію, такъ какъ вообще въ широкихъ выступленіяхъ считали вполнѣ естественнымъ оставаться пассивными: это было какъ бы дѣло, лежащее внѣ ихъ спеціальности. И въ этомъ отношеніи замѣчалось, за крайне рѣдкими исключеніями, постепенное ослабленіе интереса къ вопросамъ, лежащимъ внѣ сферы партійныхъ дѣлъ, по мѣрѣ того, какъ рабочіе болѣе продолжительное время оставались въ кружкахъ или переходили въ партійныя группы высшаго порядка. Болѣе сильное стремленіе вмѣшаться и вліять на широкіе слои рабочихъ обнаруживали чаще всего рабочіе, только что привлеченные въ организацію и почти полная безучастность къ нимъ замѣтна была среди членовъ центральнаго рабочаго кружка. Когда началась кампанія, вызванная комиссіей Шидловскаго и появилась настоятельная необходимость вліять на рабочихъ, стоявшихъ внѣ кружковъ, организатору района лишь съ большимъ трудомъ и подъ сильнымъ, вызывавшимъ неудовольствіе давленіемъ, удавалось заставлять членовъ центральнаго кружка созывать массовки и летучки изъ не-

партійныхъ рабочихъ. Что касается агитаціи среди выборщиковъ и проведенія лозунговъ и заявленій центральной группы какъ среди нихъ, такъ и среди близко стоявшихъ къ нимъ рабочихъ, то эта работа почти цѣликомъ лежала на плечахъ организатора района, безъ какой-либо помощи со стороны «руководителей» рабочей группы района. Напротивъ члены послѣдней крайне неодобрительно смотрѣли на массовки и осуждали ихъ на томъ основаніи, что они могутъ вызвать провалы и аресты, такъ какъ на нихъ могли попасть люди, недостаточно извѣстные; они также предъявляли постоянныя претензіи къ организатору за то, что онъ выступаетъ на массовкахъ и «возится» съ выборными; благодаря этому онъ становился извѣстнымъ болѣе широкимъ кругамъ и тѣмъ опять-таки рисковалъ вызвать арестъ всего центральнаго кружка, на засѣданія котораго онъ долженъ былъ регулярно приходить. Мало того. Центральный кружокъ былъ недоволенъ тѣмъ, что изъ-за массовокъ и изъ-за иныхъ «постороннихъ непартійныхъ дѣлъ» запускалась такая важная партійная задача, какъ дѣло пропаганды, правильныя занятія въ самомъ центральномъ кружкѣ. Дѣло въ томъ, что на засѣданіяхъ центральнаго кружка, организаторъ, съ одной стороны, осуществляя меньшевистскій принципъ освѣдомленія всѣхъ членовъ партіи о всѣхъ партійныхъ дѣлахъ, и съ другой, желая расширить горизонты передовыхъ рабочихъ, обыкновенно давалъ подробные отчеты и разъясненія о всякихъ рѣшеніяхъ центральныхъ мѣстныхъ и общепартійныхъ учрежденій, и, какъ въ пропагандистскихъ кружкахъ, изъ-за этихъ злободневныхъ вопросовъ пренебрегалъ теоретическими занятіями въ центральномъ кружкѣ; причемъ постояннымъ припѣвомъ всѣхъ его бесѣдъ былъ призывъ къ самодѣятельности рабочихъ, безъ которой партія существовать не можетъ. Всѣ эти объясненія выслушивались крайне охотно, особенно тѣ, которыя трактовали объ участіи рабочихъ въ обсужденіи и проведеніи всѣхъ партійныхъ рѣшеній. При этомъ рабочіе оказывались однако, послѣдовательнѣе меньшевистской руководящей организаціи и требовали и *формальныхъ* правъ, полнаго проведенія демократическаго принципа во всей организаціи сверху до низу. Къ сожалѣнію они соединяли съ этимъ вполнѣ справедливымъ требованіемъ упомянутыя уже стремленія низвести организацію на степень исключительной кружковщины. Главнымъ требованіемъ центральнаго кружка нарвскаго района была постановка систематическихъ регулярныхъ кружковыхъ занятій, и члены его были убѣждены, что это ихъ требованіе не выполняется потому, что въ партіи нѣтъ демократизма и у рабочихъ нѣтъ возможности провести своихъ желаній: съ введеніемъ демократизма окончательно должны были исчезнуть всѣ нежелательныя для нихъ элементы партійной дѣятельности.

Такимъ образомъ въ Петербургѣ повторилась уже давно пережитая партіей исторія: передовые партійные рабочіе настолько прониклись мелкими интересами своей организаціи и, благодаря этому, настолько удалились отъ общепролетарскаго движенія, что они ставили препятствія переходу партіи на болѣе высокую ступень. Въ то время, когда кругомъ забастовочное движеніе уже начало расшатывать весь политическій режимъ, когда рабочій классъ активно сталъ реагировать на всѣ крупныя явленія общественной жизни, когда петербургская рабочая масса волновалась по поводу выборовъ въ комиссію Шидловскаго, которые на время сплачивали и объединяли вокругъ депутатовъ десятки тысячъ рабочихъ,—въ центральномъ рабочемъ кружкѣ нарвскаго района шли длинныя пренія о правахъ и обязанностяхъ партійныхъ низовъ, кружковъ, районныхъ группъ, объединявшихъ въ лучшемъ случаѣ нѣсколько сотъ крайне молодыхъ рабочихъ, изъ которыхъ не мало было подростковъ. Это была по истинѣ буря въ стаканѣ воды въ сравненіи съ наступающимъ общественнымъ ураганомъ, раскаты котораго уже носились по всей Россіи. И если съ одной стороны не подлежить сомнѣнію, что изгнаніе демократизма изъ партіи ничѣмъ не оправдывалось и не спасло ея ни отъ пониженія уровня руководящихъ организацій, ни даже отъ проникновенія въ партію нежелательныхъ въ конспиративномъ отношеніи элементовъ, то съ другой стороны указанная связь демократизма съ отсталыми тенденціями въ партіи должна была доказать всякому мыслящему человѣку, что не въ однихъ организаціонныхъ недочетахъ нашей партіи заключались основныя прочины ея слабости и не въ одной реорганизаціи ея на демократическихъ началахъ слѣдовало искать источниковъ ея оздоровленія.

Какъ бы для доказательства отъ противнаго, центральному рабочему кружку за Московской заставой удалось дѣйствительно стать рабочимъ авангардомъ и руководителемъ движенія въ этомъ районѣ. Онъ состоялъ изъ рабочихъ, лишь очень недавно присоединившихся къ партійной организаціи, не прошедшихъ длинной подготовительной кружковой школы и естественно выдвинувшихся въ процессѣ стачечнаго движенія. Всякаго вліятельнаго, самоотверженнаго и сознательнаго рабочаго они немедленно старались привлечь въ центральный кружокъ, не считая нужнымъ проводить его черезъ всѣ приготовительные классы партіи. Это, конечно, противорѣчило партійнымъ организаціоннымъ принципамъ, на основаніи которыхъ лишь на организатора района возлагалась задача подбирать новыхъ членовъ въ центральный кружокъ, а у самихъ членовъ его этого права не было. Но при создавшихся отношеніяхъ за Московской заставой, при широкой самодѣятельности, проявляемой центральнымъ кружкомъ, представлявшимъ плоть отъ плоти всей рабочей массы, это право было взято имъ, какъ нѣчто вполнѣ естественное, и, я воображаю, какимъ смѣхомъ и непониманіемъ была бы встрѣчена претензія интеллигента-организатора заниматься подборомъ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ въ рабочей средѣ, которой онъ не зналъ и среди заводской массы, въ которой онъ не жилъ. Организаціонные обычаи здѣсь создавалась самой жизнью и теоретическихъ словопреній о демократизмѣ и выборномъ началѣ тамъ никогда не было. Вліяніе центральнаго кружка на заводскую жизнь, въ особенности, на порядки руководящаго завода этого района—вагоностроительнаго—было громадное. Вопросъ о забастовкахъ обсуждался всегда предварительно въ кружкѣ и по его сигналу онѣ начинались и кончались. Подъ его вліяніемъ на заводѣ былъ отвоеванъ рядъ существенныхъ улучшеній, съ администраціей завода постоянно велись правильные переговоры, регули-

ровавшіе заводскіе порядки. Администрація вынуждена была терпѣть митинги на заводѣ, ѣздить къ градоначальнику отъ имени рабочихъ требовать освобожденія арестованныхъ, при сокращеніи заказовъ уменьшать рабочее время для всѣхъ рабочихъ, чтобы не расчитывать части рабочихъ. Словомъ, были заложены серьезныя основанія для установленія на заводѣ конституціоннаго строя, въ борьбѣ за который главнымъ застрѣльщикомъ былъ партійный центральный кружокъ. Во время кампаніи по поводу комиссіи Шидловскаго часть выборныхъ была членами кружка, а остальные находились въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Въ то же время расширялись и кружки, но эта работа центральнымъ кружкомъ выполнялись попутно: всѣ его интересы лежали на сторонѣ массового движенія.

V.

Послѣ прекращенія стачки, послѣдовавшей за отказомъ рабочихъ участвовать въ комиссіи Шидловскаго, въ рабочемъ движеніи наступило нѣкоторое затишье. Правда, стачки не прекращались, но онѣ были лишь частичныя, съ частными заводскими требованіями. Это продолжительное забастовочное движеніе, которое являлось продуктомъ чрезвычайно повышеннаго и нервнаго настроенія рабочихъ, вызываемаго независимо отъ чисто экономическихъ причинъ, какъ извѣстіями съ театра военныхъ дѣйствій, такъ и политическими актами правительства, указомъ 18 февраля, комиссіей министра финансовъ Коковцова по рабочему вопросу и др., сильно утомляли и обезсиливали рабочихъ. Соціалдемократическая организація съ своей стороны не считала необходимымъ останавливать стачекъ, такъ какъ и она находились подъ вліяніемъ тѣхъ же событій, и у нея настроеніе было такое же повышенное, она жадно ловила всякія проявленія революціонной энергіи массъ и полагала, что не дѣло соціалдемократіи задерживать ихъ и не давать имъ претвориться въ массовыя дѣйствія. Пользуясь однако сравнительнымъ затишьемъ, наступившимъ въ концѣ февраля, петербургская центральная группа посвящаетъ свои силы какъ укрѣпленію своей организацію, такъ и дѣлу большаго теоретическаго и практическаго ея опредѣленія, внесенію въ свою работу большаго единства и планомѣрности.

Въ значительной степени подъ вліяніемъ событій въ нарвскомъ районѣ, въ организаціи котораго, благодаря давленію рабочихъ и тайному «преступному» сочувствію организатора къ демократизму, онъ былъ допущенъ въ небольшой дозѣ, группа подвергаетъ обсужденію вопросъ организаціонный. Демократизмъ былъ крайне робкій въ указанномъ районѣ и заключался лишь въ томъ, что районная организація состояла изъ лицъ, выбранныхъ центральными кружками и агитаторской коллегіей, а не подобранныхъ организаторомъ, но его было вполнѣ достаточно, чтобы сильно встревожить центральную группу, которая почти единогласно и приняла рѣшеніе, что руководящимъ организаціоннымъ принципамъ долженъ быть подборъ, а не выборное начало. Остальная часть организаціоннаго плана не пред-

ставляла ничего новаго и приближалась къ описанному мной типу организаціи въ нарвскомъ районѣ.

Въ то же время группа начинаетъ выяснять и свою принципіальную и обще-тактическую физіономію. Во время кампаніи, вызванной комиссіей Шидловскаго, въ Петербургѣ начинаетъ дѣйствовать энергичнѣе и большевистское теченіе. Я уже указывалъ, что если отвлечься отъ расхожденія по нѣкоторымъ второстепеннымъ организаціоннымъ деталямъ, въ началѣ крупныхъ разногласій между большевиками и меньшивиками не было. Открывшаяся однако бурная политическая жизнь Россіи, которая требовала опредѣленнаго къ себѣ отношенія отъ всякаго теченія, претендовавшаго на вліяніе на общественныя дѣла, заставила обѣ фракціи гораздо ярче и рѣзче раскрыть свою принципіальную сущность. И тогда, скоро обнаружилось, что фракціи раздѣляютъ не мелкія организаціонныя разногласія, а глубоко различное пониманіе всей русской дѣйствительности, разногласіе по вопросу о ближайшемъ теченіи русской революціи и о задачахъ соціалдемократической партіи. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на политическихъ взглядахъ большинства и меньшиства партіи, я ограничусь лишь краткими,—а потому и нѣсколько упрощенными,—указаніями, поскольку разногласія опредѣлили практическую дѣятельность соціалдемократовъ въ Петербургѣ.

Руководящимъ тактическимъ положеніемъ большевиковъ того періода было то, что русская революція «уперлась въ возстаніе». По ихъ мнѣнію, лишь побѣдоносное возстаніе могло и должно было разрѣшить политическій кризисъ въ Россіи и потому въ тактикѣ соціалдемократіи моментъ возстанія долженъ играть рѣшающую роль: важно лишь то, что способствуетъ и ускоряетъ возстаніе, откидывается все то, что способно такъ или иначе замедлить его наступленіе. На положеніе дѣлъ въ Россіи, создавшееся послѣ 9 января, она смотрѣла такъ, что всякое массовое выступленіе пролетаріата необходимо должно было перейти въ возстаніе, и потому при обсужденіи тѣхъ или иныхъ массовыхъ дѣйствій пролетаріата, слѣдовало по ихъ мнѣнію прежде всего поставить вопросъ: способенъ и готовъ ли пролетаріатъ къ возстанію, которое должно быть непремѣннымъ слѣдствіемъ его массовыхъ выступленій—и воздерживаться отъ послѣднихъ, если пролетаріатъ казался недостаточно подготовленнымъ къ возстанію. Революціонную же готовность и сознательность рабочихъ большевики въ общемъ оцѣнивали однако такъ высоко, что съ этой стороны они не видѣли никакихъ препятствій даже для немедленнаго возстанія, и потому готовность къ возстанію они разсматривали преимущественно съ технической точки зрѣнія. Этой точкой зрѣнія опредѣлялся и бойкотъ, предлагаемый большевиками по отношенію къ выборамъ въ комиссію Шидловскаго, и проповѣдь воздержанія отъ частичныхъ кампаній пролетаріата вообще и отъ перво-майскаго уличнаго выступленія въ частности. Пролетаріатъ долженъ не растрачивать своихъ силъ въ мелкихъ стычкахъ, а накоплять ихъ ко дню генеральнаго сраженія, всенароднаго возстанія. Я не стану распространяться здѣсь о чрезвычайно характерномъ для всего міровоззрѣнія этого крыла соціалдемократической партіи отношеніи къ захвату власти, къ вре-

менному правительству, диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, такъ какъ эти вопросы, хотя и имѣли вліяніе на содержаніе агитаціи и пропаганды, но какъ pia desideria, далекія отъ практической жизни, эти тактическія положенія опредѣляли лишь въ слабой степени отношеніе большевиковъ къ дѣйствительному рабочему движенію того періода.

Меньшевистская группа въ Петербургѣ, считая также неизбѣжнымъ возстаніе, разсматривала его однако, какъ результатъ длительнаго процесса, цѣлаго ряда выступленій, въ которыхъ боевая способность и сознательность пролетаріата постоянно растетъ вширь и вглубь. Хотя и у меньшевиковъ сильны были тенденціи переоцѣнивать революціонность рабочихъ массъ, но подготовку возстанія они понимали главнымъ образомъ, какъ популяризацію идеи неизбѣжности возстанія, популяризацію этой идеи не только пропагандой и агитаціей, но активнымъ реагированіемъ пролетаріата на наиболѣе крупныя событія дня, постоянной поддержкой и расширеніемъ стачечнаго движенія. Мы уже указывали на сильную педагогическую тенденцію въ тактикѣ меньшинства. Она проявлялась и по отношенію къ стачечному движенію: удачная стачка увеличитъ боевую готовность рабочихъ, неудачная— научитъ ихъ, что нужно вести борьбу противъ всего режима. Кромѣ того оба крыла соціалдемократіи расходились, какъ я уже говорилъ, по вопросамъ, касающимся дальнѣйшаго хода русской революціи, и, слѣдовательно, меньшинство вкладывало иное идейное содержаніе въ свою агитацію и пропаганду.

Эти тактическія разногласія, опредѣляющія въ особенности различное отношеніе къ пролетарскимъ выступленіямъ того времени, дѣлали безрезультатными всякія попытки къ соглашеніямъ между большевиками и меньшевиками. Попытки эти дѣлались нѣсколько разъ подъ вліяніемъ какъ центральнаго комитета партіи, такъ и подъ давленіемъ рабочихъ низовъ, которые совершенно не разбирались въ разногласіяхъ и приписывали расколъ лишь интеллигентскимъ дрязгамъ. Раза 2 образовывались федеративные комитеты изъ представителей большевистской и меньшевистской мѣстныхъ организацій съ чрезвычайно скромными задачами, но каждый разъ они быстро умирали, не предпринявши ни одного практическаго дѣла. Во всѣхъ этихъ попыткахъ къ примиренію меньшевистская организація, вѣроятно, какъ болѣе сильная,—обыкновенно шла гораздо дальше, предлагала вырабатывать сообща практическіе лозунги, выпускать общіе листки за подписью обѣихъ организацій, открыто заявляла, что она разсматриваетъ такія совмѣстныя дѣйствія, какъ подготовительные шаги для полнаго слiянія, но въ своихъ примирительныхъ тенденціяхъ не встрѣчала никакой взаимности. По мнѣнію большевиковъ, сліяніе могло быть слѣдствіемъ лишь партійнаго съѣзда, котораго они требовали уже давно; для соглашеній же по техническимъ и узко практическимъ вопросамъ были достаточны, по ихъ мнѣнію, правильныя сношенія между отдѣльными районными организаціями. При глубокомъ взаимномъ недовѣріи меньшевики видѣли въ послѣднемъ предложеніи лишь попытки большевиковъ добраться до «ихъ» рабочихъ, чего ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало допустить. По существу меньшевики были правы, такъ какъ

было непослѣдовательно отвергать соглашенія между центральными петербургскими организаціями и въ то же время предлагать таковыя между районами, но въ этой боязни меньшевиковъ допустить своихъ фракціонныхъ противниковъ къ «своимъ» рабочимъ заключалось не только недовѣрія къ большевикамъ, но еще больше недовѣрія къ сознательности своихъ рабочихъ.

И слѣдуетъ дѣйствительно сознаться, что партійные рабочіе, за исключеніемъ лишь отдѣльныхъ немногихъ единицъ, были совершенно чужды всѣмъ разногласіямъ, которыя раздѣляли оба крыла партіи. Въ этомъ отношеніи «законосовѣщательный» принципъ или принципъ «освѣдомленія» меньшевиковъ обнаружилъ свое полное банкротство. Несмотря на все искреннее желаніе руководящей группы дѣйствительно освѣдомлять рабочихъ по всѣмъ партійнымъ вопросамъ, и тѣмъ внести идейное единство въ «руководимую» ею организацію, это ей никогда не удавалось даже въ самой отдаленной степени. Къ тому же оказалось, какъ уже было указано, что подпольная организація, начиная съ извѣстныхъ размѣровъ теряетъ въ единствѣ и планомѣрности своей дѣятельности то, что она выигрываетъ въ своей величинѣ. Когда районы разрослись, оказалось очень скоро, что у меньшинства въ Петербургѣ была не одна организація, а, какъ тогда говорили, «федерація районныхъ организацій». Каждая районная организація жила своей собственной, лишь въ слабой степени связанной съ центромъ самостоятельной жизнью. Несмотря на запретъ, районы вынуждены были издавать свои районные листки на всякія темы, особенно когда стало ясно, что центральная организація не въ состояніи обслуживать всѣ свои вѣтви. Планы занятій въ кружкахъ въ каждомъ районѣ вырабатывались совершенно самостоятельно и рѣзко отличались другъ отъ друга въ разныхъ районахъ. Мало того. Въ большихъ районахъ даже отдѣльные подрайоны вели свою работу самостоятельно. Въ особенности широко разбросанный городской районъ въ этомъ отношеніи представлялъ невѣроятную путаницу. Въ однихъ кружкахъ интеллигентъ-агитаторъ читаетъ рабочимъ для назиданія разсказы и драмы Горькаго, въ другомъ передаетъ въ популярномъ изложеніи только-что прочитанныя передовицы изъ «Сына Отечества» и «Нашей Жизни», въ третьихъ—проповѣдуетъ, что съ паденіемъ самодержавія всѣмъ бѣдамъ рабочихъ будетъ положенъ конецъ и т. д. Само собой разумѣется, что по вопросамъ, составлявшимъ предметъ преній въ партійной литературѣ, какъ то о временномъ правительствѣ, о ближайшей диктатурѣ пролетаріата и крестьянства и другіе, внутри организаціи существовали самыя противоположныя воззрѣнія, такъ какъ и въ самой центральной группѣ были представлены разныя теченія, и районы по большей части отражали взгляды своихъ организаторовъ.

Такимъ образомъ подтвердилось, что подпольный міръ можетъ существовать лишь при крайне ограниченныхъ рамкахъ своего количественнаго роста; какъ только онъ разростается, онъ начинаетъ дезорганизовываться. Центральная группа предприняла рядъ мѣръ для того, чтобы укрѣпить идейную связь между отдѣльными частями организаціи. Дѣлается попытка устроить лекціи по тактическимъ вопросамъ для наиболѣе выдающихся рабочихъ всѣхъ районовъ. Созываются между-

районныя собранія, т. е. собранія изъ представителей всѣхъ районовъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, причемъ характерно, что представители эти должны были не выбираться представляемыми ими организаціями, а снова быть подобранными организаторами. На этихъ собраніяхъ читаются доклады о тактическихъ взглядахъ группы по волнующимъ въ то время партію вопросамъ. Пренія обнаруживаютъ указанную мной разноголосицу, но проходятъ очень живо. Послѣ собранія у его участниковъ опять возникаетъ однако вопросъ о практическомъ вліяніи рѣшеній междурайонныхъ собраній на тактику группы. Представители районовъ не хотятъ довольствоваться ролью аудиторіи для ораторовъ группы, они желали бы практическихъ результатовъ своихъ обсужденій. Законосовѣщательныя учрежденія перестаютъ окончательно удовлетворять партійную периферію и партійные низы. Другія начинанія меньшевистской группы наталкиваются на совершенно противоположнаго характера протестъ одной части интеллигентской периферіи, указывающей меньшевистской руководящей организаціи на то, что она превысила свои права и полномочія по отношенію къ общепартійнымъ центральнымъ учрежденіямъ. Этотъ протестъ возникъ по поводу рѣшенія центральной группы издавать мѣстный органъ. Для внесенія большаго единства въ свою организацію, а также для расширенія своего вліянія во внѣпартійныхъ рабочихъ кругахъ, центральная группа приняла рѣшеніе приступить къ изданію небольшого печатнаго органа. Когда это рѣшеніе было доведено до свѣдѣнія агитаторской коллегіи нарвскаго района, оно воскресило возраженія, явившіяся отголоскомъ еще первоначальныхъ «Искровскихъ» тенденцій. Группѣ указываютъ на всю опасность, которой изданіе спеціально петербургскаго органа грозитъ чистотѣ соціалдемократическихъ принциповъ, возстанавливаются старые сектантскіе жупелы о принижающемъ вліяніи повседневной борьбы и о необходимости существованія органа вдали отъ поля битвы, который, далекій отъ соблазновъ жизни, одинъ въ состояніи съ достаточной принципіальной выдержанностью руководить партійной работой. Этотъ невѣроятный фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ имѣлъ мѣсто уже послѣ 9 января, послѣ кампаніи по поводу комиссіи Шидловскаго и послѣ цѣлаго ряда попытокъ соціалдемократической организаціи вмѣшаться и получить вліяніе на движеніе болѣе широкихъ пролетарскихъ массъ. Всѣ онѣ не могли однако окончательно заглушить сектантскаго страха передъ жизнью, столь присущаго всякой заговорщической подпольной организаціи.

Такимъ образомъ внутри меньшевистской организаціи вмѣстѣ съ ея ростомъ все болѣе развиваются подтачивающіяся ее силы; онѣ особенно усилились, когда въ мартѣ и апрѣлѣ на первую очередь выдвигается вопросъ о партійномъ съѣздѣ. Мы на немъ остановимся нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ рельефно раскрываетъ массу противорѣчій, которыя заполнили жизнь соціалдемократической организаціи.

Извѣстно, что не успѣла партія сорганизоваться на своемъ второмъ съѣздѣ въ 1903 году, какъ однимъ изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ ея партійной жизни, яблокомъ раздора между фракціями сдѣлалась борьба за съѣздъ. И въ описываемомъ нами 1905 году эта

борьба никогда не сходила съ порядка дня. Въ это время всѣ общепартійныя центральныя учрежденія, центральный комитетъ, центральный органъ «Искра» и совѣтъ партіи находились въ рукахъ меньшевиковъ и всѣ попытки большевиковъ созвать третій съѣздъ терпѣли крушеніе, благодаря упорному сопротивленію центральныхъ учрежденій.

Въ 1905 году большевистскія организаціи, не порвавъ формально съ партіей, объединились въ отдѣльную общую организацію, выбрали свой объединяющій органъ, который назывался «бюро комитетовъ большинства» и рѣшили общими силами добиваться съѣзда. По ихъ требованію центральный комитетъ поставилъ на обсужденіе всѣхъ организацій вопросъ о ближайшемъ созывѣ съѣзда. Петербургская центральная группа высказалась за отсрочку съѣзда, мотивируя свое мнѣніе слѣдующими соображеніями. Желая, чтобы въ результатѣ съѣзда произошло дѣйствительное объединеніе, они рекомендуютъ, чтобы съѣзду предшествовала совѣщательная партійная конференція, которая подготовила бы порядокъ дня съѣзда. Кромѣ того, для болѣе правильнаго представительства партійныхъ организацій на съѣздѣ, а также для сближенія обоихъ теченій на самой работѣ, группа рекомендовала, чтобы за мѣсяцъ до съѣзда отдѣльныя, конкуррирующія фракціонныя организаціи одного и того же города были распущены и слились въ одну организаціи, которая пошлетъ отъ себя своихъ представителей на съѣздъ въ соотвѣтствіи съ реальнымъ соотношеніемъ силъ обоихъ теченій. При обсужденіи вопроса о съѣздѣ произошелъ характерный инциндентъ, показавшій насколько въ партіи непопуляренъ даже непослѣдовательный демократизмъ. Одинъ членъ группы предложилъ, чтобы къ мотивамъ, дѣлающимъ необходимой отсрочку общепартійнаго съѣзда былъ присоединенъ еще слѣдующій. «Группа высказывается за отсрочку еще потому, что необходимо, чтобы на ближайшемъ съѣздѣ въ противоположность второму, были представлены не одни комитеты, не высшія организаціи или даже отдѣльныя лица, а всѣ партійныя организаціи. Поэтому порядокъ дня съѣзда долженъ предварительно обсуждаться подробно во всѣхъ партійныхъ низахъ, мнѣнія ихъ должны регистрироваться и доводиться до свѣдѣнія съѣзда. Только въ этомъ случаѣ съѣздъ приметъ свои рѣшенія на основаніи точнаго знанія общепартійнаго мнѣнія и будетъ его истиннымъ выразителемъ». Группа сначала хотѣла снять предложеніе съ очереди, какъ «нѣчто само собой разумѣющееся», но въ виду категорическаго требованія внесшаго предложенія проголосовать его, оно было принято только безъ историческаго его освѣщенія, т. е. безъ отрицательнаго отзыва о второмъ съѣздѣ. Какъ это, принятое положеніе, было примѣнено, будетъ показано ниже.

Не успѣло однако кончиться въ организаціи голосованіе по вопросу о созывѣ съѣзда, какъ произошли обстоятельства, сильно ускорившія этотъ созывъ. Въ Москвѣ былъ арестованъ почти цѣликомъ центральный комитетъ партіи и благодаря этому создалось чрезвычайно характерное и поучительное положеніе дѣлъ. Могло показаться, что злая шутница—исторія хотѣла довести аналогію между надпольной и подпольной бюрократіями даже до второстепенныхъ подробностей. Послѣ ареста уцѣлѣлъ лишь одинъ членъ центральнаго комитета,

но этотъ единственный членъ имѣлъ по конституціи партіи право кооптировать весь остальной комитетъ по своему усмотрѣнію. Отъ него одного зависѣлъ такимъ образомъ составъ партійнаго министерства. А права этого министерства очень обширны. Достаточно будетъ указать что центральный комитетъ выступаетъ, какъ постоянный законный и полномочный представитель партіи. Онъ имѣетъ право издавать отъ имени партіи литературу и даже агитаціонные листки съ практическими лозунгами, и отказъ отъ ихъ распространенія мѣстной организаціей равносиленъ нарушенію партійной дисциплины. Въ мартѣ 1905 года напр., центральный комитетъ принималъ участіе въ конференціи россійскихъ національныхъ соціалдемократическихъ партій, не привлекая къ предварительному обсужденію вопросовъ конференціи ни одной мѣстной организаціи, и безъ ихъ вѣдома отъ имени партіи заключалъ договоры и бралъ на себя обязательства. Такая вліятельная организація, какъ петербургская центральная группа, узнала о конференція лишь изъ печати, и принятыя на ней резолюціи были для нея уже fait accompli, непреложнымъ рѣшеніемъ. И такіе методы дѣйствія практиковались комитетомъ, болѣе демократическаго въ принципѣ меньшевисткаго направленія, несмотря на его позицію, вполнѣ имъ сознаваемую, оторванность отъ практической работы на мѣстахъ какъ нѣчто, совершенно естественное и само собой разумѣющееся. И вотъ оказалось, что составъ этого руководящаго, имѣющаго формально рѣшающее вліяніе на общепартійную политику органа зависѣлъ отъ доброй или злой воли, отъ плохого или хорошаго разумѣнія одного лишь человѣка, и это въ такое время, когда внутри партіи боролись два теченія, имѣвшія совершенно противоположныя воззрѣнія по основнымъ вопросамъ партійной тактики. И опять таки злорадному року угодно было, чтобы этотъ единственный вершитель судебъ партійной политики представлялъ собою особу, отличающуюся неустойчивостью, неувѣренностью и шатаніями въ разныя стороны, между обоими теченіями. Само собой разумѣется, что эту столь важную партійную особу обѣ фракціи пытались всѣми силами привлечь на свою сторону, и пріобрѣсть на нее вліяніе. И какъ будто для того, чтобы даже слѣпому до очевидности доказать всю ненормальность и карикатурность создавшагося въ партіи положенія дѣлъ, въ упомянутой борьбѣ обѣихъ фракцій за вліяніе на надѣленнаго неограниченными полномочіями партійнаго человѣка, побѣдило большинство, т. е. не то теченіе, которое представляло партію до того времени. Такимъ образомъ по волѣ одного человѣка сразу мѣняется оффиціальная руководящая политика соціалдемократической партіи, поскольку она опредѣляется ея центральнымъ комитетомъ. Въ наиболѣе спорныхъ, злободневныхъ вопросахъ партійной тактики, по вопросамъ о захватѣ власти, о временномъ правительствѣ, а также по вопросу о первомайскомъ празднованіи, оффиціальное мнѣніе партіи, представленное ея центральнымъ комитетомъ, сдѣлало оборотъ въ 180 градусовъ, и стало приближаться къ большевизму или, по крайней мѣрѣ, къ «болоту» (Троцкій и ему подобные). Центральный комитетъ также мѣняетъ свое мнѣніе о партійномъ съѣздѣ и рѣшаетъ его немедленный созывъ.

Петербургской меньшевистской организаціи пришлось, такимъ образомъ, немедленно начать готовиться къ съѣзду, и тутъ ей представлялся прекрасный случай доказать, какъ она практически примѣняетъ въ столь важномъ для партіи вопросѣ свой «законосовѣщательный» принципъ, и какъ она расчитываетъ провести въ жизнь принятое ею положеніе, что съѣздъ долженъ представлять не одни руководящія учрежденія, а всѣхъ организованныхъ партійныхъ членовъ. Подготовка къ съѣзду однако показала, что когда нѣтъ въ реальной, кроющейся въ самомъ содержаніи работы, почвы для широкаго развитія самодѣятельности массы партійныхъ членовъ, всякія, даже лучшія, пожеланія остаются на бумагѣ. Обсужденіе вопросовъ порядка дня съѣзда происходило лишь въ мѣстной центральной группѣ, отчасти оно было перенесено въ интеллигентскія агитаторскія группы. Что же касается партійныхъ рабочихъ, то до нихъ доходили лишь обрывки свѣдѣній какъ о самомъ съѣздѣ, такъ и о подлежащахъ его обсужденію вопросахъ. Приходится впрочемъ признаться, что большая часть этихъ вопросовъ была совершенно чужда массѣ партійныхъ рабочихъ и врядъ ли предварительное обсужденіе этихъ вопросовъ послѣдними въ чемъ либо замѣтно измѣнило бы принятыя группой рѣшенія. На самыхъ рѣшеніяхъ я здѣсь не буду останавливаться, они въ общемъ совершенно совпадаютъ съ опубликованными резолюціями меньшевистской конференціи. Замѣчу лишь, что они обнаруживаютъ стремленіе бороться съ поднявшимъ въ партіи голову бланкизмомъ и якобинизмомъ, порвать съ кружковымъ характеромъ партіи и распространить свою работу на начавшееся профессіональное движеніе, а въ организаціонномъ отношеніи—похвальное желаніе ввести въ партію возможно больше демократизма.

Но насколько эти рѣшенія были лишь «отъ ума», насколько дѣйствительная практика организаціи этому противорѣчили, насколько и меньшевистское теченіе было цѣликомъ проникнуто болѣзнями заговорщической организаціи, показываетъ рядъ практическихъ мѣръ, принятыхъ, наряду съ хорошими теоретическими рѣшеніями, той же меньшевистской петербургской организацій,—мѣръ предназначенныхъ для усиленія на съѣздѣ во что бы ни стало меньшевистскаго представительства и для болѣе успѣшной борьбы съ большевиками. Въ виду того, что большевистскія организаціи выступали на съѣздѣ тѣсно сплоченными и объединенными, въ группѣ было предложено разослать делегатовъ по всей Россіи въ меньшевистскія организаціи для того, чтобы сговориться съ ними о тактикѣ на съѣздѣ, сорганизоваться въ одинъ блокъ на съѣздѣ, и стараться получить возможно больше мандатовъ. Это называлось громкимъ терминомъ «организаціи меньшевистскаго общественнаго мнѣнія». Напрасно отдѣльные члены группы указывали на то, что если приходится идти на съѣздъ, то это слѣдуетъ дѣлать не для того, чтобы снова превратить его въ арену борьбы между двумя фракціями, раздѣленными не только теоретическими разногласіями, но и продолжительной, наполненной безконечнымъ рядомъ личныхъ треній и дрязгъ, взаимной борьбой. Напрасно указывалось группѣ на то, что рядъ новыхъ вопросовъ, возникшихъ въ эпоху революціоннаго подъема, вызвалъ среди соціал-

демократовъ гораздо болѣе глубокія принципіальныя разногласія, которая не соотвѣтствуютъ прежнему организаціонному дѣленію на большевиковъ и меньшевиковъ. Еслибы эти вопросы были поставлены на съѣздѣ передъ делегатами, не сплотившимися раньше въ враждебные блоки, дѣйствующіе и голосующіе по предварительному соглашенію, какъ одинъ человѣкъ, пренія по этимъ вопросамъ были бы дѣйствительно полезны и служили бы отраженіемъ существующихъ среди массы соціалдемократическихъ работниковъ воззрѣній; и еслибы оказалось, что въ партіи дѣйствительно существуютъ непримиримыя разногласія, и расколъ былъ бы неизбѣженъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, произошелъ бы на принципіальной почвѣ, «организація же общественнаго мнѣнія» фракцій способна лишь исказить характеръ преній, фальсифицировать дѣйствительное партійное общественное мнѣніе и вмѣсто принципіальныхъ разногласій на первый планъ выдвинуть старыя, наболѣвшія, и порой позорныя, партійныя язвы. Тѣ же одинокіе голоса указывали группѣ, что погоня за мандатами не только сама по себѣ довольно нечистоплотная вещь, но находится въ рѣзкомъ, кричащемъ противорѣчіи съ хотя и слабыми, но все же демократическими тенденціями меньшинства, что лицо съ «пойманнымъ» мандатомъ, можетъ представлять лишь само себя, но отнюдь не организацію, имъ представляемую, что это есть замѣстительство самаго сквернаго пошиба. Всѣ эти голоса оказались однако „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ". Послѣ остроумнаго замѣчанія одного изъ „лидеровъ" группы, что о погонѣ за мандатами не говорятъ, но ее практикуютъ, рѣшено было послать делегатовъ по Россіи, чтобы въ теченіе одной недѣли, остававшейся до поѣздки на съѣздъ, «организовать общественное мнѣніе», а главное, чтобы ловить мандаты, что отчасти и удалось.

Хотя всѣ эти подробности были лишь мало извѣстны широкой массѣ членовъ партіи, но самый способъ обсужденія вопросовъ съѣзда одной лишь центральной группой, при полномъ игнорированіи партійныхъ низовъ, способно было лишь усилить оппозицію меньшевистскихъ низовъ, которые объединялись требованіями демократическаго строенія партіи. Подготовка къ съѣзду доставила обильный матеріалъ оппозиціи для критики «законосовѣщательнаго» принципа, для иллюстраціи всей его демократической иллюзорности и безсодержательности и для обвиненія меньшевистской руководящей организаціи въ неискренномъ отношеніи къ проповѣдуемымъ ею, для одной лишь видимости, демократическимъ симпатіямъ. Съ этого времени начинается процессъ объединенія и формированія оппозиціи, оппозиціонные элементы разныхъ районовъ начинаютъ сговариваться о принятіи общихъ шаговъ для давленія на руководящія сферы партіи. Такъ какъ оппозиція эта состояла изъ довольно разнообразныхъ и даже противорѣчивыхъ элементовъ, и объединялась лишь требованіемъ организаціоннаго демократизма, то послѣднему придавалась громадная роль и рѣшающее значеніе въ дѣлѣ оздоровленія партіи. Основныя причины ея сектантскаго, заговорщическаго и порой кликообразнаго характера,— подпольность организаціи, одностороннее содержаніе ея работы и опредѣляемая этимъ оторванность ея отъ массъ, — для оппо-

зиціи еще неясны. Понадобился снова громадный крахъ и страшное пораженіе партіи для того, чтобы съ одной стороны усилить, объединить и сдѣлать болѣе активной оппозицію, а съ другой расширить ея горизонты. Такимъ оздоровляющимъ, расчищающимъ мозгъ и будящимъ мысль и энергію, крахомъ и былъ первомайскій праздникъ 1905 г.

VI.

Одновременно съ подготовкой къ съѣзду въ центральной группѣ шло также обсужденіе характера празднованія перваго мая. Отношеніе къ нему различныхъ теченій соціалдемократической партіи ясно слѣдуетъ изъ того, что было указано выше о взглядахъ этихъ теченій на дальнѣйшій ходъ русской революціи. Петербургскіе большевики вмѣстѣ съ близкимъ къ нимъ центральнымъ комитетамъ относились отрицательно ко всякой возможности массовыхъ выступленій пролетаріата до того момента, пока онъ не будетъ готовъ къ возстанію. Въ листкѣ, выпущенномъ петербургскимъ большевистскимъ комитетомъ, мы читаемъ: «Первое мая не можетъ быть, конечно, днемъ вооруженнаго возстанія. Вооруженныя возстанія нельзя назначать заранѣе. Мы поднимемъ оружіе неожиданно для нашихъ враговъ, выбравъ моментъ наибольшаго подъема народныхъ силъ и наибольшой растерянности правительства. Мирныя демонстраціи невозможны... Вооруженныя демонстраціи допустимы только, какъ начало вооруженнаго возстанія... Итакъ, товарищи, выйти перваго мая на улицу безоружнымъ было бы безумно, выйти вооруженнымъ, преждевременно». На этомъ основаніи петербургскій комитетъ призываетъ рабочихъ лишь на тайные митинги. Нужно при этомъ вспомнить, что призывать къ празднованію перваго мая прекращеніемъ работы было невозможно, такъ какъ первое мая 1905 года падало на воскресенье.

Приблизительно то же говоритъ о характерѣ празднованія перваго мая центральный комитетъ въ своемъ письмѣ, разосланномъ всѣмъ партійнымъ организаціямъ. «Послѣ января, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, и всего того, что за нимъ слѣдовало, въ Петербургѣ не можетъ имѣть мѣсто общая, заранѣе подготовленная, организованная, предварительно оповѣщенная демонстрація, какъ таковая... При настоящихъ условіяхъ позвать на такую «демонстрацію» совершенно то же, что призвать петербургскій пролетаріатъ къ возстанію... Поэтому центральный комитетъ и совѣтуетъ звать массу не на вооруженную демонстрацію, а на митинги для того, чтобы обсудить вопросъ, что дѣлать дальше. При этомъ центральный комитетъ однако не отказывается отъ мысли, что эти митинги, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, могутъ перейти и въ демонстрацію и даже въ вооруженное возстаніе». Такимъ образомъ это теченіе остается совершенно вѣрнымъ своимъ общимъ тактическимъ взглядамъ. Русская революція «уперлась въ возстаніе», всякія выступленія, не обѣщающія перейти въ возстаніе, отвергаются, какъ излишняя трата революціонной энергіи, которую нужно не разсѣивать преждевременно въ мелкихъ массовыхъ дѣйствіяхъ, а, наоборотъ, задерживать, накоплять для благопріятнаго момента.

Меньшевистское теченіе, исходя изъ своихъ общихъ тактическихъ предпосылокъ, должно было прійти къ другимъ заключеніямъ. Для него революціонная энергія развивается въ процессѣ пролетарской борьбы, проявляющейся въ цѣломъ рядѣ массовыхъ выступленій. Въ этихъ выступленіяхъ пролетарская масса пріучается къ революціоннымъ дѣйствіямъ. Мало того. Среди общаго демократическаго освободительнаго движенія чрезвычайно важно для классоваго и идейнаго самоопредѣленія пролетаріата его выступленіе именно подъ лозунгомъ общепролетарскаго майскаго праздника. Поэтому меньшевистская петербургская группа рѣшила призывать петербургскій пролетаріатъ къ «открытому уличному выступленію, не предрѣшая, въ какія формы оно выльется. Для насъ, пишетъ группа въ своемъ отвѣтѣ центральному комитету, цѣнно заявленіе широкими слоями пролетаріата въ этотъ день своихъ требованій, демонстрированіе готовности въ борьбѣ за нихъ».

Само собой однако разумѣется, что центральная группа рѣшилась звать рабочихъ Петербурга на уличное выступленіе не на основаніи лишь тактическихъ соображеній теоретическаго характера, а послѣ цѣлаго ряда отчетовъ районныхъ дѣятелей о настроеніи рабочихъ. Въ этихъ отчетахъ настроеніе рабочихъ вырисовывалось хотя нѣсколько подавленнымъ и утомленнымъ непрекращавшейся стачечной борьбой, но въ то же время во всѣхъ районахъ было констатировано напряженное ожиданіе рабочими первомайскихъ событій и возложеніе ими на этотъ день большихъ надеждъ. Рѣшено было по этому развить возможно болѣе интенсивную агитаціонную дѣятельность не только въ кружкахъ и другихъ партійныхъ организаціяхъ, но и созывать массовки, устраивать митинги на самыхъ заводахъ и у ихъ воротъ, выпускать возможно больше и чаще первомайскіе листки. Вся же программа въ общемъ была выполнена такъ, какъ она предполагалась. Партійные рабочіе сначала встрѣтили рѣшеніе группы нѣсколько пассивно и не очень оптимистически, но по мѣрѣ того, какъ развертывалась агитація, настроеніе у нихъ подымалось, и въ то же время отчеты о настроеніи всей рабочей массы стали звучать бодрѣе. А первомайская агитація дѣйствительно достигла небывалыхъ въ Петербургѣ размѣровъ. За Невской заставой въ теченіе послѣдней недѣли до перваго мая большіе заводскіе митинги не прекращались, за Нарвской заставой почти вся громадная заводская масса была остановлена по выходѣ изъ завода соціалдемократическимъ ораторомъ, рѣчь котораго была встрѣчена общимъ сочувствіемъ, и явившаяся для того, чтобы разогнать толпу и арестовать агитатора, полиція была избита и обращена въ бѣгство, послѣ чего часть толпы устроила демонстрацію по петергофскому шоссе. Были также большіе заводскіе митинги и за Московской заставой, и на Выборгской сторонѣ и на Васильевскомъ островѣ. О предстоящемъ праздновании заговорили въ легальной прессѣ, подымались требованія по отношенію къ думѣ и многимъ легальнымъ союзамъ либеральныхъ профессій, чтобы они предоставили свои помѣщенія рабочимъ въ день перваго мая. Съ этимъ требованіемъ къ нѣкоторымъ союзамъ явились партійныя рабочія депутаціи, производившія повсюду сильное впечатлѣніе.

Въ виду этого повсюду констатированнаго подъема настроенія, центральная группа и выработала очень широкій и подробный планъ празднованія. Предполагалось, что рабочіе всякаго района будутъ созваны спеціальными листками на опредѣленное мѣсто, такихъ мѣстъ для всего Петербурга было указано семь, и въ случаѣ, если районные митинги или демонстраціи пройдутъ удачно, всѣ рабочіе должны будутъ направиться на одно мѣсто, чтобы заключить майское празднованіе одной общепетербургской демонстраціей. Въ каждомъ районѣ такъ же подробно обсуждалась программа дѣйствій, для защиты отъ полиціи назначались районныя вооруженныя дружины, причемъ, по обыкновенію, оружія оказалось крайне мало, подобраны были районныя штабныя квартиры, куда должны были стекаться свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ районѣ, была назначена для всего Петербурга квартира генеральнаго штаба, куда должны были быть направлены свѣдѣнія изъ всѣхъ районовъ и откуда долженъ былъ исходить сигналъ для общей мобилизаціи всѣхъ рабочихъ кадровъ на общую манифестацію. Назначены были также районные начальники, командированы штабные велосипедисты для развозки свѣдѣній, были подробно выработаны агитаторскія рѣчи въ видѣ «концентрическихъ круговъ», т. е. въ виду полной неизвѣстности, сколько можетъ продолжаться рѣчь до разгона собранія, она должна была быть построена такимъ образомъ, чтобы отдѣльныя части ея представляли вполнѣ законченное цѣлое, намѣченны, наконецъ, ораторы для каждаго района, словомъ планъ кампаніи былъ разработанъ тщательно и детально.

Наступилъ день перваго мая, прогрессивныя легальныя газеты посвятили ему передовицы, полиція приняла надлежащія мѣры, мы всѣ, руководители, съ своей стороны приготовились, кто къ аресту, а кто къ разстрѣлу и... соціалдемократическая организація потерпѣла небывалое даже въ ея исторіи пораженіе. Впослѣдствіи писали, что на улицу *вышли лишь организованные рабочіе*, но на основаніи моихъ наблюденій въ двухъ районахъ и свѣдѣній, полученныхъ изъ остальныхъ районовъ, *я рѣшаюсь утверждать, что и эта оцѣнка размѣровъ уличнаго выступленія страдаетъ еще излишнимъ преувеличеніемъ*. Въ городскомъ районѣ напр., вышла лишь небольшая часть организованныхъ рабочихъ, главную же «массу» участниковъ «выступленія» составляли интеллигенты и интеллигентки, выполнявшіе въ партіи техническія функціи и ихъ знакомые. Приблизительно тоже было и на Васильевскомъ островѣ. Во всемъ Петербургѣ *въ майскомъ выступленіи принимало участіе тысячи полторы человѣкъ, изъ которыхъ около половины было не рабочихъ*.

Послѣдствіе этого неслыханнаго пораженія были, какъ и слѣдовало ожидать, очень благодѣтельныя, если не для дальнѣйшихъ судебъ партіи, то для всего рабочаго движенія. Неудача оказалась столь сильно дѣйствующимъ средствомъ, что отмахнуться отъ нея звонкими успокоительными фразами было не легко. Она заставила всѣхъ, какъ оппозицію, такъ и руководящія партійныя сферы Петербурга, подвергнуть коренному пересмотру всѣ свои „партійныя цѣнности“. Часть болѣе видныхъ партійныхъ рабочихъ не только была глубоко разочарована, но прямо возмущена неудачей партіи. И это возмущеніе

выражалось въ такихъ формахъ, которыя указывали, что въ своихъ взглядахъ на партію ея члены-рабочіе не далеко ушли отъ всего петербургскаго пролетаріата. Масса петербургскихъ рабочихъ, сочувственно слушавшая соціалдемократическихъ ораторовъ и охотно читавшая соціалдемократическіе листки, смотрѣла на партію, какъ на нѣчто очень хорошее, самоотверженное и рабочелюбивое, но считала ее не своимъ роднымъ рабочимъ дѣломъ, а чужимъ, интеллигентскимъ. Она крайне интересовалась партійными лозунгами, очень часто ихъ одобряла, но совсѣмъ не считала необходимымъ активно участвовать въ ихъ проведеніи. Рабочіе были искренно убѣждены, что партія сдѣлаетъ 1-го мая нѣчто большое и хорошее для нея, и сотнями разъѣзжала на имперіалахъ конокъ по городу для того, чтобы любоваться сраженіемъ, которое соціалдемократическая партія дастъ самодержавію, причемъ имъ даже въ голову часто не приходило, что ходъ и результатъ сраженія зависитъ отъ ихъ активнаго участія въ немъ. Когда первомайское сраженіе не состоялось за отсутствіемъ дѣйствующихъ армій, рабочіе смѣялись надъ партіей, обманувшей ихъ надежды и надъ собственнымъ легковѣріемъ. «Партія разсказала имъ небылицы о своемъ могуществѣ, и они, дурни, ей повѣрили». И подобное отношеніе къ первомайскому пораженію, такой же злорадный смѣхъ былъ не только у массы безпартійныхъ рабочихъ, онъ встрѣчался и у рабочихъ старыхъ членовъ партіи. Послѣдніе злились на своихъ агитаторовъ за то, что тѣ „наврали" имъ, увѣривши, что партія приведетъ съ собой массы на первомайское уличное выступленіе. Были и такіе рабочіе, которые приписывали неудачу недостаточному вооруженію, но главная масса партійныхъ рабочихъ и эту неудачу, какъ и всѣ бѣды партіи, продолжала объяснять преобладаніемъ интеллигенціи въ партіи и отсутствіемъ въ ней демократичности и самодѣятельности рабочихъ. Всѣ оппозиціонные рабочіе Петербурга начинаютъ послѣ этого регулярно собираться для обсужденія и критики партійныхъ дѣлъ и для изысканія средствъ разрѣшенія партійнаго кризиса. Число участниковъ этихъ обсужденій росло съ каждымъ собраніемъ, вести дальше работу въ прежнемъ направленіи стало невозможнымъ, и центральная группа должна была вступить въ переговоры съ оппозиціей. Впрочемъ и въ самой центральной группѣ подъ вліяніемъ тѣхъ же событій въ это время начался также коренной пересмотръ методовъ работы. Пишущій эти строки былъ посланъ центральной группой въ качествѣ ея представителя на одно собраніе оппозиціонныхъ рабочихъ, и ему пришлось выслушать не мало горькихъ истинъ по адресу „интеллигентской" партіи. Собраніе происходило въ лѣсу. На немъ присутствовало около 70—80 наиболѣе выдающихся петербургскихъ партійныхъ рабочихъ. Все собраніе велось въ такомъ раздражительномъ, нетерпимомъ духѣ, наполнено было такой атмосферой недовѣрія къ партійнымъ руководителямъ и свидѣтельствовало о такой массѣ накопившейся у ея участниковъ злобы по отношенію къ своей партіи, что для меня еще до сихъ поръ остается неразрѣшимой загадкой, какъ партійная организація могла столько времени существовать и дѣйствовать безъ сравнительно крупныхъ треній. Какъ я уже неоднократно указывалъ, недовольство оппозиціи было направлено въ разныя и часто противоположныя стороны. Но одинъ мотивъ заглушалъ всѣ остальные: «мы желаемъ быть хозяевами въ нашей рабочей партіи, мы не желаемъ исполнять въ ней однѣ техническія функціи. Пора положить конецъ кумовству, свившему себѣ гнѣздо въ партіи, при которомъ интеллигенты легко дѣлаютъ въ ней карьеру. Единственнымъ выходомъ изъ создавшагося позорнаго положенія партіи—это реорганизація ея на демократическихъ началахъ. Выборное начало должно быть положено въ основу всей партійной организаціи сверху до низу».

Когда я попытался объяснить, что будучи приверженцемъ демократизма и рекомендуя его немедленное введеніе, я все-таки не могу въ отсутствіи его видѣть основную причину всѣхъ партійныхъ золъ вообще и послѣдней неудачи въ частности, что, по моему мнѣнію, организація есть элементъ производный и является лишь продуктомъ содержанія всей работы организаціи; когда я старался развить ту мысль, что самодѣятельность рабочихъ можетъ найти себѣ поле для своего развитія лишь въ широкой рабочей партіи, вѣдающей всѣ формы классовой борьбы, и совершенно неосуществима для большихъ круговъ рабочихъ въ такой односторонней и бѣдной содержаніемъ своей дѣятельности партіи, каковой до сихъ поръ являлась соціалдемократія въ Россіи, мнѣ отвѣтили, что все это, быть можетъ, и вѣрно, но что раньше, чѣмъ говорить о содержаніи дѣятельности партіи, слѣдуетъ построить само ея зданіе. Впослѣдствіи участники собранія мнѣ сознались, что на мои слова тогда смотрѣли лишь какъ на ловкій пріемъ отвлечь вниманіе рабочихъ отъ наиболѣе интересующихъ ихъ насущныхъ вопросовъ въ другую сторону. Культивировавшееся въ партіи въ теченіе долгихъ лѣтъ недовѣріе къ рабочимъ приносило свои плоды въ видѣ такого же недовѣрія съ ихъ стороны къ партіи. Въ результатѣ собранія была единогласно принята резолюція, требующая проведенія въ партіи выборнаго начала.

Не стану я описывать еще массы другихъ характерныхъ для создавшихся въ партіи отношеній инцидентовъ, имѣвшихъ мѣсто на на этомъ собраніи. Безъ сомнѣнія, много несправедливаго было высказано на немъ по адресу партійной интеллигенціи, очень часто то, что составляетъ ея бѣду, было поставлено ей въ вину, то, что по необходимости вытекало изъ неестественнаго ея положенія въ качествѣ руководящаго элемента чужой ей по интересамъ и психологіи партіи, приписывалось сознательно эгоистическимъ мотивамъ, соображеніямъ, продиктованнымъ честолюбіемъ и желаніемъ командовать. Но рабочихъ не могло не шокировать прежде всего и больше всего то, что въ партіи, называвшей себя пролетарской, претендовавшей на роль руководителя рабочаго класса въ его борьбѣ, поставившей своимъ девизомъ слова «освобожденіе рабочаго класса есть дѣло самого рабочаго класса»,—во всѣхъ ея руководящихъ органахъ засѣдаютъ почти исключительно интеллигенты, на съѣздахъ судьбы партіи, ея принципы и тактику опредѣляютъ интеллигенты, даже въ качествѣ главы каждой районной организаціи назначается интеллигентъ. «Какъ только у насъ создается въ районѣ организація, говорилъ на упомянутомъсобраніи одинъ рабочій, къ намъ немедленно посылается откуда-то

интеллигентъ-царь. Безспорно, есть у насъ въ отдѣльныхъ районахъ и добрые цари, но за то есть и такіе, которые намъ пикнуть не даютъ. Но намъ не нужно ни добрыхъ, ни злыхъ царей, мы сами желаемъ править въ своей партіи, и мы должны заводить въ ней свои порядки. Пусть интеллигенты, которымъ они будутъ по душѣ, работаютъ у насъ въ партіи, а остальные пусть уйдутъ отъ насъ, имъ не мѣсто въ нашей партіи».

Съ этихъ общихъ собраній петербургскихъ рабочихъ оппозиція перекинулась въ отдѣльные районы и партійной работѣ грозила полная остановка. Вновь назначенный въ нарвскомъ районѣ организаторъ не былъ признанъ таковымъ рабочей районной группой не изъ личнаго недоброжелательства къ нему, а потому, что она отказывалась признавать какія либо должности, кромѣ выборныхъ.

На Васильевскомъ островѣ чрезвычайно популярный организаторъ натолкнулся на нежеланіе районнаго собранія выслушать отчетъ о меньшевистской конференціи. Намъ-то что за дѣло до того, что вы толковали на вашей конференціи,—услышалъ онъ,—мы не обсуждали вопросовъ конференціи и потому мы и не признаемъ ее своей». Въ выборгскомъ районѣ озлобленность наиболѣе передовыхъ рабочихъ противъ своей организаціи достигла такихъ размѣровъ, при которыхъ не только общая работа, но и всякія переговоры становились совершенно немыслимыми.

На ряду съ этой, хотя и объединенной общимъ организаціоннымъ требованіемъ, но въ общемъ довольно безтолковой, не глубокой и принципіально не единой оппозиціей, начинаютъ пробиваться среди членовъ соціалдемократической организаціи болѣе опредѣленныя теченія, которымъ пережитая неудача диктовала менѣе поверхностныя заключенія о прошломъ партіи и о ближайшихъ ея задачахъ. На агитаторскомъ собраніи городского района, послѣ долгихъ преній, обнаружилось, что въ партіи сохранилось не мало элементовъ, окончательно безнадежныхъ, для которыхъ исторія не писана, и которыхъ никакія событія ничему не могутъ научить, была принята слѣдующая резолюція, требующая значительнаго расширенія всего содержанія партійной работы: «Неудача празднованія перваго мая въ нынѣшнемъ году показала разобщенность между партійной организаціей и рабочей массой. Этотъ печальный фактъ заставилъ собраніе агитаторовъ городского района болѣе подробно остановиться на методахъ нашей работы. Обсудивъ этотъ вопросъ собраніе пришло къ слѣдующимъ выводамъ: 1) До сего времени борьба пролетаріата за свои непосредственные нужды велась при слабомъ участіи соціалдемократіи, отрывавшейся благодаря этому отъ жизни широкихъ массъ. 2) Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обезпечиваетъ партіи достаточнаго участія въ общеклассовой борьбѣ и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой, партіи, какъ нелегальной организаціи, послѣдней необходимо взять въ свои руки веденіе рабочими профессіональной борьбы на массовой почвѣ, строго связывая эту борьбу съ соціалдемократическими задачами. 3) Для этой цѣли партіи необходимо не только принимать самое дѣятельное, непосредственное участіе въ существующихъ уже профессіональныхъ

союзахъ, кассахъ и т. п., но и брать на себя иниціативу въ дѣлѣ созданія такихъ организацій, дающихъ возможность объединить болѣе широкія массы на почвѣ ихъ классовыхъ интересовъ. 4) Въ связи съ этимъ собраніе считаетъ нужнымъ подчеркнуть настоятельную необходимость сдѣлать новые дальнѣйшіе шаги по пути демократизаціи нашей партіи, обезпечивающей большую самостоятельность ея членовъ».

Эта резолюція встрѣтила сочувственный пріемъ какъ въ центральной группѣ, такъ и въ отдѣльныхъ районахъ. Оторванность партіи отъ массы, заговорщическій, кружковой характеръ ея организаціи и необходимость опереться на широкіе рабочіе союзы, ведущіе классовую борьбу пролетаріата во всѣхъ ея видахъ, находитъ все большее признаніе въ рядахъ партіи. Петербургская соціалдемократическая организація, которая до того времени совершенно игнорировала начавшееся среди рабочихъ организаціонное движеніе на экономической почвѣ, начинаетъ имъ интересоваться и во многихъ районахъ беретъ на себя иниціативу въ дѣлѣ организаціи профессіональныхъ союзовъ. Отдѣльные члены принимаютъ участіе въ организовавшемся тогда союзѣ печатнаго дѣла, партійная организація способствуетъ созыву собраній часовщиковъ, рабочихъ по обработкѣ дерева, шапочниковъ, сапожниковъ, и нѣкоторые члены ея отдаются всецѣло работѣ въ профессіональныхъ организаціяхъ рабочихъ. На собраніи наиболѣе передовыхъ рабочихъ семянниковскаго завода членомъ центральной группы прочитывается рефератъ о цѣляхъ и задачахъ заводской кассы и обсуждаются практическія мѣры, необходимыя для ея созданія на указанномъ заводѣ. Дѣло доходитъ даже до того, что члены группы вмѣстѣ съ рабочими Обуховскаго завода подробно обсуждаютъ планъ образованія союза обуховскихъ рабочихъ на основѣ существовавшей на заводѣ «лампадной кружки». Послѣдняя должна была служить поводомъ для распространенія среди рабочихъ идеи превращенія добровольныхъ и случайныхъ пожертвованій въ «кружку» въ регулярные взносы, и для попытки расширенія задачъ «лампадной кассы» за предѣлы одной лишь покупки масла до широкихъ задачъ заводскаго рабочаго союза. Обсуждается также возможность сплачиванія рабочихъ на заводахъ вокругъ ихъ старостъ. Вносится также значительная перемѣна въ содержаніе агитаціонныхъ рѣчей. Такъ въ городскомъ районѣ созывается собраніе всѣхъ болѣе или менѣе сочувствующихъ соціалдемократіи рабочихъ для совмѣстнаго обсужденія дальнѣйшихъ задачъ партіи. На собраніи, на которомъ присутствовало 150—180 рабочихъ, произносятся не обычныя для массовокъ взвинчивающія рѣчи, а наоборотъ самымъ недипломатическимъ образомъ раскрываются всѣ недочеты партійной дѣятельности и партійной организаціи, и проводится мысль, что лишь партія, объединяющая широкія рабочія массы и тѣсно связанная со всѣми формами классовой борьбы пролетаріата, имѣетъ право называться соціалдемократической и рабочей. Въ заключеніе всѣмъ рабочимъ, участвовавшимъ на собраніи, предлагается совмѣстными силами обсудить вопросъ о дальнѣйшей постановкѣ партійной работы; все собраніе выбираетъ также представителей на обще-городское собраніе оппозиціонныхъ рабочихъ, о которомъ я говорилъ.

Во всѣхъ этихъ планахъ и благихъ пожеланіяхъ было безъ сомнѣнія мало опредѣленности, но они обнаруживаютъ рѣзкую перемѣну въ настроеніи соціалдемократическихъ круговъ, признаніе необходимости покончить съ ненормальнымъ положеніемъ рабочей партіи далекой отъ общественныхъ интересовъ и борьбы пролетаріата. Довольно ярко изображаетъ настроеніе руководящей центральной группы одинъ изъ ея членовъ въ своемъ письмѣ въ «Искру», посланномъ недѣли 3 послѣ перво-майской неудачи. «Обычный типъ нашей политической организаціи,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ,—центральный кружокъ на заводѣ, стремящійся намѣтить возможно больше кружковъ по образу и подобію своему, только качествомъ пониже. Работая кружками, мы заранѣе исключаемъ этимъ возможность охватить широкіе круги пролетаріата (десятковъ тысячъ по кружкамъ не размѣстить!) Признавая методомъ работы—твореніе возможно большаго числа политическихъ кружковъ, стремясь выдѣлить изъ нихъ всякаго улавливаемаго нами рабочаго, мы отрываемъ его отъ массы, отъ ея жизни и даже какъ бы провопоставляемъ ей. Не лучшіе слои рабочихъ вдвигаются въ наши организаціи, а просто знакомые нашихъ рабочихъ. Въ нашихъ кружкахъ можно только учиться (и то плохо!) Потребности въ активной работѣ они не удовлетворяютъ. И хорошіе рабочіе гапоновцы (соц.-дем.) говорятъ: «зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю». Дѣйствительно идти затѣмъ, чтобы «числиться за организаціей»—не велика штука. Въ итогѣ у насъ преимущественно самый молодой, самый не вліятельный элементъ среди рабочихъ. «У васъ все молодятникъ» говорилъ рабочій гапоновецъ, «вы его раскаляете, а онъ васъ, а масса на рабочую партію, которая должна быть *ея*, смотритъ какъ на чужую, которая со стороны ей что-то хорошее хочетъ сдѣлать.» И дѣйствительно, масса напряженно ожидала перваго мая, предвидя что-то большое и хорошее для себя, но не отводя себѣ въ этомъ активной роли. И къ нашимъ митингамъ, разъ мы ихъ не связываемъ, такъ или иначе, съ активностью массъ, съ длительнымъ къ нимъ интересомъ, отношеніе подчасъ, какъ къ какому-то занимательному перерыву въ работѣ. «Придетъ интеллигентъ на заводъ» говорилъ вдумчивый рабочій-соціалдемократъ городского района, «прокричитъ всѣ свои «долой», и мы покричимъ, и уйдетъ. А намъ нужно не это; что вообще «долой»—извѣстно, а надо обсужденіе всего, разборъ всей жизни». И рабочіе таки показали, что они не считаютъ себя связанными сочувственными кликами на митингахъ: взяли и не вышли перваго мая. Какъ разбить рамки кружковщины, какъ измѣненіемъ методовъ работы привлечь всѣ лучшіе элементы рабочаго класса? Группа, не договорившись пока подробно, выдвигаетъ *иниціативу соціалдемократовъ въ дѣлѣ профессіональныхъ организацій рабочихъ*. Явочнымъ порядкомъ основемъ рабочіе союзы, заводскія кассы и т. п.; изъ демократическихъ организацій дадимъ рабочей массѣ выдвинуть своихъ вожаковъ, удовлетворимъ ихъ потребность въ активной борьбѣ; свяжемъ наши митинги съ предложеніями объ основаніи обществъ рабочихъ для борьбы за свое экономическое, политическое и духовное освобожденіе; серьезной постановкой руководства профессіональной борьбой, необходимость объединенія для которой уже сознана рабочими массами, создадимъ прочную основу для роста вліянія нашей партіи; на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересущіе рабочаго, будемъ отбирать элементы, выдвигающіеся и годящіеся въ нашу боевую партійную политическую организацію, которая пусть представляетъ собой не хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно настроенныхъ рабочихъ, а сплоченіе рабочихъ-соціалдемократовъ, организовавшихся для подобной агитаціи, руководящихъ профессіональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на нихъ.»

Трудно въ настоящее время опредѣлить, каково было бы дальнѣйшее естественное развитіе партійной организаціи и работы въ Петербургѣ, если бы оно не было внезапно прервано, хотя и нормальными въ Россіи, но посторонними причинами. Удалось-ли бы ей выбраться на торную дорогу среди той массы плановъ и мѣропріятій, которыми изобиловала тогдашняя жизнь всѣхъ мѣстныхъ партійныхъ организацій и которыя всѣ были проникнуты однимъ стремленіемъ:—связаться возможно тѣснѣе съ рабочей массой? Или старые, заговорщицкіе, подпольные консервативные навыки и традиціи взяли бы снова верхъ и опять потянулась бы старая кружковая, бѣдная содержаніемъ реальной дѣятельности и богатая фразеологіей, интеллигентская партійная дѣйствительность? Трудно въ настоящее время дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Дальнѣйшее развитіе партіи въ Петербургѣ дѣлаетъ однако, очень вѣроятнымъ предположеніе, что старыя тенденціи оказались бы, благодаря партійнымъ традиціямъ, сильнѣе новыхъ вѣяній и послѣднимъ предстояла въ партіи еще продолжительная борьба за свое существованіе. Хотя во многихъ резолюціяхъ, принятыхъ на меньшевистской конференціи, собиравшейся, какъ извѣстно, одновременно съ большевистскимъ 3-мъ съѣздомъ, вліяніе «новыхъ вѣяній» очень сильно замѣтно, но насколько они не глубоко проникли въ сознаніе руководящихъ практиковъ партіи, показали даже съ чрезмѣрной очевидностью дальнѣйшія событія партійной жизни въ Петербургѣ. Какъ будто для того, чтобы изгнать приверженцевъ партійнаго бюрократизма и противниковъ демократизма изъ ихъ послѣдняго убѣжища, и показать, что отсутствіе демократизма вредно для партіи даже въ конспиративомъ отношеніи и отнюдь не спасаетъ отъ порученія самыхъ отвѣтственныхъ функцій шпіонамъ и провокаторамъ, въ концѣ мая и началѣ іюня въ Петербургѣ начались массовые аресты среди меньшевиковъ. Скоро обнаружилось, что они были вызваны провокаціей: одна изъ самыхъ важныхъ и конспиративныхъ функцій, завѣдываніе техникой, была поручена провокатору Доброскокову, привезшему изъ-за границы хорошія рекомендаціи и потому сразу завоевавшему довѣріе. Приверженцы демократизма справедливо доказывали, что такіе уничтожающіе всякую преемственность въ работѣ, вызываемые провокаціей, разгромы были бы менѣе возможны при выборномъ началѣ, при которомъ отвѣтственныя должности поручалась бы людямъ на основаніи дѣйствительныхъ, извѣстныхъ массѣ партійныхъ членовъ, заслугъ, а не на основаніи дружескихъ связей съ вліятельными лицами партіи. Какъ бы то ни было, съ разгромомъ партіи, особенно сильно пострадали представители

тѣхъ новыхъ тенденцій, о которыхъ я говорилъ. Почти вся центральная группа была арестована. И тогда, вопреки преобладающему желанію петербургскихъ партійныхъ членовъ, вопреки духу резолюцій меньшевистской конференціи, явилось 2—3 лица изъ-за границы, объявили себя руководящей группой, кооптировали кое-кого изъ новопріѣзжихъ «профессіональныхъ» революціонеровъ и, пользуясь общей, вызванной разгромомъ дезорганизаціей, повели работу по стародавнимъ пріемамъ. Правда, и эта организація существовала очень недолго. Тотъ же Доброскоковъ заставилъ и ее почти цѣликомъ сойти со сцены. И тогда, какъ бы для еще болѣе яркаго доказательства слабой связи партіи съ общественной жизнью, ненормальности ея развитія, въ которой не можетъ быть никакой преемственности и въ которой самые неожиданные скачки и повороты вполнѣ естественны, въ петербургскихъ партійныхъ кругахъ стали временно господствовать не разгромленные большевики. Впрочемъ, самостоятельная организаціонная работа въ пролетаріатѣ продолжалась и усиливалась. Рабочій классъ уже тогда начинаетъ самостоятельно процессъ использованія нѣсколько болѣе свободныхъ политическихъ условій для своего классового объединенія. Не получая отъ непролетарской ни по своему составу, ни по своимъ тактическимъ пріемамъ соціалдемократической партіи, указаній ни относительно классовыхъ средствъ борьбы съ самодержавіемъ, ни относительно организаціи этой борьбы, пролетаріатъ въ дальнѣйшей своей борьбѣ руководился только своимъ классовымъ инстинктомъ. Рѣшающее истинно пролетарское средство борьбы съ самодержавіемъ—общая стачка—явилась не результатомъ указаній со стороны партіи, а продуктомъ стихійнаго классового творчества рабочихъ массъ. Лишь послѣ этого въ рабочемъ движеніи Россіи наступилъ новый періодъ.

С. И. Сомовъ.

Григорій Анфимовичъ Попко [1]).

(12-го апрѣля 1852 г.—20-го марта 1885 г).

(Опытъ біографіи).

20-го марта 1885 г. въ $10^1/_2$ часовъ вечера въ Нижне-Карійской каторжной тюрьмѣ для государственныхъ преступниковъ, послѣ тяжкой агоніи, скончался Г. А. Попко. Смерть его ни для кого не была неожиданностью, и всего менѣе для него самого. Года полтора онъ уже схватилъ сильный плевритъ, который перешелъ потомъ въ водянку. По мнѣнію лечившаго его товарища, Э. Веймара, всѣ эти болѣзненныя явленія вытекали, впрочемъ, изъ одного: общаго туберкулеза. Крупный революціонеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне скромный и сдержанный, Попко не бросался въ глаза людямъ, поверхностно знавшимъ его, и теперь, вѣроятно, мало кому извѣстно, какую роль онъ игралъ въ русскомъ движеніи. Этой и безъ того сдержанной сильной натурѣ обстоятельства придали конспиративную закалку, и какъ характеристична въ этомъ смыслѣ его просьба, обращенная къ близкимъ товарищамъ: «если я буду бредить, говорить что-нибудь такое... революціонное, не давайте мнѣ». Смерть уже бросала на него свою тѣнь, а онъ все еще заботился о томъ, какъ-бы не проговориться, не сдѣлать безъ всякой надобности извѣстной какую-нибудь революціонную тайну...

---

[1]) Статья эта, написанная однимъ изъ ближайшихъ друзей Г. А. Попко, *Ростиславомъ Андреевичемъ Стеблинымъ-Каменскимъ*, была напечатана въ № 3 (1893 года) издававшихся „Группою старыхъ народовольцевъ“ заграницею сборниковъ, носившихъ названіе „Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“. Напечатана она была тамъ *безъ подписи автора*, одного изъ крупныхъ революціонныхъ дѣятелей 70-хъ годовъ, перенесшаго каторгу и застрѣлившагося въ Иркутскѣ въ 1893 г. Въ виду большой рѣдкости сборника, въ которомъ напечатана статья Стеблина-Каменскаго и несомнѣннаго историческаго интереса разсказываемыхъ авторомъ этой статьи событій, мы, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, воспроизводимъ ее на страницахъ нашего журнала. *Ред.*

Матеріалами для настоящаго очерка мнѣ служили: „Записки соціалиста“, помѣщавшіяся въ рукописномъ журналѣ „Кара“ 1881 и 1882 гг., авторомъ которыхъ былъ самъ Г. А. Попко, воспоминанія Г. А. объ убійствѣ Гейкинга, которыя предназначались для того же журнала, но были найдены неудобными для опубликованія близкими товарищами. Весьма много фактовъ изъ жизни покойнаго мнѣ сообщили Н. Волошенко, А. Медвѣдевъ, Г. Ѳомичевъ и другіе. *Авторъ.*